

Слову Божию, создавал возвышенные стихи и отдавал их людям. Отсюда более возвышенное и в то же время, в державинском духе, чуть ли не опрощенное представление о личности поэта: Державин вводит в перевод личностные черты, слова и фразы о счастливой семейной жизни, о друге, попутно прославляет военного героя Г. Потемкина... Характерно также включение в переводы христианских тем. Бог в псалмах приобретает черты христианского Бога, «Бог ветхозаветный уступает место новозаветному Спасителю» (с. 404), и возникают мотивы покаяния, сострадания, любви, всепрощения.

В Заключении подводится итог: автору диссертации удалось доказать, что, несмотря на эволюцию и переакцентировки, развитие псалтырных поэтических переводов свидетельствует о несомненной связи в культуре XVIII в. *sacrum* и *profanum*. Хорошо бы также автору продолжить в дальнейшем основательное изучение этой темы на материалах XIX века.

Таким образом, нам представлен серьезный, обстоятельный, новаторский, перспективный труд. Вне всякого сомнения, представленная работа отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям по литературоведению, а Л.Ф. Луцевич как автор заслуживает присуждения ей искомой степени доктора филологических наук.

СПб., 31 янв. 2003 г.

Доктор филологических наук, профессор,
главный науч. сотрудник Института истории РАН
Б.Ф. Егоров

ОТЗЫВ

официального оппонента
о диссертации Егоровой Светланы Олеговны
«Эволюция эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10. 01. 01 - русская литература

Диссертационное исследование Светланы Олеговны Егоровой производит впечатление основательного труда, посвященного изучению эсхатологических мотивов в творчестве Н.В. Гоголя. Недостаточная изученность этого интереснейшего плана творчества Гоголя свидетельствует об актуальности представленной к защите

работы, а предложенный в ней ракурс его изучения – о ее новизне. С точки зрения С.О. Егоровой, изучение эсхатологических мотивов в творчестве Гоголя не должно ограничиваться систематизацией библейских реминисценций. Эти мотивы, как полагает автор исследования, должны быть «рассмотрены в их динамике – как совокупность последовательно обуславливающих друг друга катастрофических смен мироустройства в рамках сквозного сюжета писателя» (с. 16 диссер.).

Такой подход к предмету изучения вызывает и согласие, и одобрение. В самом деле, в творчестве Гоголя отчетливо прослеживается ряд последовательно сменяющих друг друга миров, каждый из которых наделен внутренней логикой существования и развития. Мир «Миргорода» со всей очевидностью отличается от мира «Вечеров...», а мир петербургских повестей – и от мира «Вечеров...», и от мира «Миргорода».

Изучая гоголевские миры с точки зрения эсхатологической перспективы, С.О. Егорова нацелена на то, чтобы найти и обосновать главные угрозы их существования.

Для мира «Вечеров...» и «Миргорода» такими угрозами, как полагает исследователь, являются возможность их «поглощения «праматеринской» волшебной-олицетворенной землей» (с. 72 диссер.) и возможность распада патриархального народного единства под воздействием истории. Для фантазмагорически-бесовского мира петербургских повестей – имперский порядок и закон, олицетворением которого в «Ревизоре» выступает подлинный ревизор.

Такого рода обобщенно-схематичными выводами венчается – как того требует жанр – каждая глава диссертации С.О. Егоровой. Однако семантическое пространство самих глав много превосходит их итоговое формульное выражение.

Диссертация представляет собой чрезвычайно дифференцированный текст, в котором каждый – даже и небольшой – параграф представляет собой заверченный относительно его замысла фрагмент, нередко содержащий такие наблюдения, которые позволяют С.О. Егоровой установить между элементами гоголевского мира новые связи и отношения. Привлекают внимание такие места работы, в которых указывается на парадигматические элементы гоголевского мира (к примеру – на связь через богатырский мотив «Вия» «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ»), и такие места, где мысль получает точное и емкое выражение. К примеру, это мысль о том, что «казачье героическое прошлое оказывается для Хомы «передающей инстанцией» на пути в область хтонической земли» (с. 50 диссер.).

Глубокие и интересные места нередки и во второй, и в третьей главах. Заслуживает внимания мысль о том, что сам факт уничтожения Башмачкина петербургским миропорядком таит в себе угрозу последнему из-за того, что, по сути, Акакий Акакиевич является «идеальной опорой петербургской иерархии», в том числе и в силу – как правильно отмечено – присущего ему «детски-бескорыстного игрового интереса к службе» (с. 104 диссер.). Однако текст «Шинели» настолько сложен, что на каждый аргумент можно найти контраргумент. Находясь в положении перед значительным лицом, Башмачкин испытывает такое же потрясение, которое испытывают стоя перед грозным отцом Андрий, а перед Вием – Хома Брут. Не говорит ли этот ряд эквивалентностей о том, что Башмачкин, как и его предшественники, карается за своеобразное отступничество от миропорядка, которому он принадлежит?

Безусловно, интересна высказанная во второй главе диссертации и идея амбивалентности Петербурга в петербургских повестях: «...этот топос становится, с одной стороны, средоточием бесовской химеры (буржуазности / иностранщины / безбожия), а с другой – имперским центром борьбы с нею» (с. 121 диссер.).

Правда, есть в работе и то, что понуждает сделать замечание ее автору. Говоря в своей работе о гоголевских циклах, С.О. Егорова говорит все же не о циклах, а об отдельных входящих в их состав произведениях. Как представляется, для того чтобы в полной мере продемонстрировать, например, логику внутреннего самодвижения (в «Вечерах...» или в «Миргороде»), нужно иметь в виду все сцепления между образующими циклы произведениями. Не очень понятно, почему, к примеру, при рассмотрении «Миргорода» в центре внимания оказываются три повести («Старосветские помещики», «Вий» и «Тарас Бульба»), а не четыре. Между тем, для понимания эсхатологической проблематики цикла нельзя, по всей видимости, не учитывать, что в обрамляющих «Миргород» повестях (в «Старосветских помещика» и в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») репрезентированы два антитетических состояния – мир, лишенный потомства, и мир, его не лишенный, но абсолютно к нему безразличный. Такая антитеза заставляет обратить особое внимание на произведения, образующие своеобразное ядро цикла – «Тарас Бульба» и «Вий», в которых отношения между отцами и детьми (в Вию усматривают хтонического отца Хома Брута) достигают трагического накала: отцы убивают своих детей.

Надо отметить, что автор диссертации демонстрирует впечатляющую осведомленность и в жанровой, и в фольклорно-

мифологической, и в культурно-исторической областях. Широта такой осведомленности подкрепляется многочисленными отсылками к научной литературе. Впрочем, благодаря такому их обилию не всегда удастся провести границы между словом, идеей, наблюдением, принадлежащих автору диссертации, и словом, идеей, наблюдением, ему не принадлежащих. Есть обратная сторона и у дробной композиции диссертации: такая фрагментация несколько затрудняет уловление общей смысловой логики исследования.

Особое значение для понимания гоголевской эсхатологии имеют, конечно, «Мертвые души» и все сопряженные с замыслом этого произведения контексты – биографический, историко-культурный, религиозный и т. д. Рассмотрению «Мертвых душ» в эсхатологической перспективе посвящена третья глава диссертации. Своеобразие этой перспективы определяется тем, что эсхатологическая идея оказывается в тесном взаимодействии с идеей преображения.

Как справедливо полагает С.О. Егорова, возможность духовного воскресения в «Мертвых душах» подчиняется заданной в «Ревизоре» логике: духовное воскресение состоит «в истреблении ничтожной («плотской») оболочки характера, искажающей его идеальное естество (душу)» (с. 158 диссер.). Нельзя не согласиться с автором диссертации и в том, что «в первом томе «Мертвых душ» впервые у Гоголя «конец света» в виде всеобщего омертвения оказывается не просто кануном, а необходимым рубежом и условием всеобщего воскресения (с. 158 диссер.).

Представляется существенным и важным выраженное в этой части диссертации положение о том, что эсхатологическая идея осмысливается в «Мертвых душах» принципиально иначе, чем в «Вечерах» и «Миргороде», – не с точки зрения патриархальной идеи, а с точки зрения со всей отчетливостью заданного в «Выбранных местах...» имперского идеала. При этом С.О. Егорова предлагает рассматривать «Выбранные места...» в качестве своеобразного ключа к пониманию эсхатологической перспективы «Мертвых душ».

Такой подход в целом также является правомерным. При этом, однако, нельзя не учитывать, что «Выбранные места...» – текст, знаменующий драматический переход Гоголя из области художественной в область проповедническую, из области литературной – в реальную. И связан этот переход в том числе и со страстным желанием Гоголя реализовать на деле одну из заповедных для него идей: внутреннее глубинное изменение – не важно, человека или государства – возможно только в результате потрясения, а для

того, чтобы потрясение возможно было произвести, должен быть тот, кто возьмет на себя роль Потрясателя (в «Выбранных местах...» в такой роли осмысливается фигура Петра Великого).

Кажется, автором диссертации эта идея не совсем учитывается. А она могла бы придать ее обстоятельному труду дополнительную важную акцентировку. В определенный момент, как представляется, Гоголь осознал, что такие миры, как мир «Вечеров» или «Миргорода», сами по себе не способны преодолеть заложенную в них внутреннюю ущербность. Кроме того, по устройству своему (имеющему, как было показано в диссертации, коренную связь с земляным началом) они не могли бы измениться и под воздействием внешней потрясающей силы. Таким образом, единственное, что им остается – это быть включенными в процесс медленного исторического самоизживания. А вот мир Петербурга в петербургских повестях устроен принципиально иначе. Его химеричность и фантазмагоричность, как это ни парадоксально, с точки зрения готовности к переменам несут в себе позитивное начало: мир, в котором может случиться все что угодно, представляется у Гоголя как бы внутренне готовым к кардинальному изменению и ждет только сильного толчка извне. В примыкающем к петербургским повестям «Ревизоре» и появляется наконец тот, кто, находясь над этим миром, способен произвести на него потрясающее воздействие – такое, которое бы оторвало этот мир от самого себя и понесло его, подобно тому, как в «Мертвых душах» птица-тройка понесет Русь. (Надо сказать, что это наше соразмышление построено с опорой на одно из ключевых мест третьей главы диссертации: «Искомым идеалом характера в первом томе предстает эпическое русское богатырство, но богатырство в изводе «Тараса Бульбы», то есть всеобщий переход в вечное движение / полет из состояния отдельности и неподвижности. Пластическим воплощением такого перехода становится в финале первого тома «Мертвых душ» двухступенчатое пророческое уподобление, а фактически – превращение брички Чичикова в «необгонимую тройку» – Русь (соединяющую в себе землю и народ в понятии государства), несущуюся по воздуху» (с. 158 диссер.)).

По сути, выступая перед публикой с «Выбранными местами...», Гоголь взял на себя роль, которую он отвел в финале «Ревизора» настоящему ревизору. «Выбранные места...» должны были произвести потрясающее воздействие на Россию и заставить ее окаменеть и онеметь, подобно тому, как в немой сцене комедии окаменел и онемел город. Для того чтобы это произошло по-настоящему, Гоголю надо было подняться над всеми и над собой как

художником. Но этого не случилось. И это «не случилось» также не может быть исключено из гоголевской эсхатологии.

Впрочем, эти соразмышления могут быть расценены только в качестве попытки включения в мыслительный процесс, спровоцированной интересной и важной работой. Подводя итоги, следует сказать, что мы имеем дело с оригинальным исследованием, вносящим важный вклад в изучение творчества Н.В. Гоголя. Наши частные несогласия и сомнения не затрагивают общей высокой оценки представленной к защите работы.

Результаты диссертации полно отражены в публикациях, в том числе и в журналах, рекомендованных ВАК РФ. Основное содержание диссертации адекватно отражено в автореферате.

Вне всякого сомнения, представленная к защите работа Светланы Олеговны Егоровой соответствует Паспорту заявленной специальности и полностью соответствует критериям, указанным в пп. 9-11 и 13-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г., № 842, а его автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, профессором кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Воронежский государственный педагогический университет» (Адрес: 394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина 86) Савинковым Сергеем Владимировичем

30 марта 2018 года

Сергей Владимирович Савинков, д-р филологических наук,
профессор